

ИНОГДА
СНЫ ЗНАЮТ
БОЛЬШЕ,
ЧЕМ МЫ...

ЦЕНА СВОБОДЫ

СЕЗОН 2

Толстиков

Часть 1

ДОМ С ОТКРЫТЫМИ ГЛАЗАМИ

ТОМ 1

Мужчина из сна

БЕЗОПАСНОСТЬ —
ЭТО ЗАБОТА.
ИЛИ
КОНТРОЛЬ?

ИНОГДА
САМЫЕ КРАСИВЫЕ
ДВЕРИ
СКРЫВАЮТ
ПРАВДУ.

НАДЕЖДА ПОРОШИНА

СЕМЕЙНАЯ
ДРАМА

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ТРИЛЛЕР

ЖИЗНЕННЫЕ
ИСПЫТАНИЯ

ДОМ
КАК ВЫБОР

НАСТОЯЩАЯ ЛЮБОВЬ НЕ ЗАКРЫВАЕТ ГЛАЗА. ОНА ОТКРЫВАЕТ ДОМ.

Надежда Порошина
ЦЕНА СВОБОДЫ. СЕЗОН
2. Толстиков. Часть 1. Дом
с открытыми глазами.
Том 1. Мужчина из сна
Серия «ЦЕНА СВОБОДЫ», книга 4

<https://litres.ru/74450667>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лина привыкла рассчитывать только на себя и защищать сына от чужих обещаний. Но однажды ей снится незнакомый мужчина, дом с зелёной дверью и два возможных будущих: в одном её ждёт счастливая семья, в другом — камеры, запёртые двери и детский шёпот: «Мам, не говори ему».

На следующий день Лина встречает Алексея — внимательного, терпеливого и удивительно доброго к Павлу. Он становится мужчиной, которого легко полюбить: чинит игрушки, создаёт мальчику комнату и предлагает им настоящий дом. Только почему забота всё чаще напоминает контроль, а предупреждающие сны повторяются?

«Мужчина из сна» — первый том семейно-психологической саги «Цена свободы», остросюжетный роман с элементами мистики о любви, доверии и первых признаках опасности, которую труднее всего увидеть в человеке, обещающем защитить.

Содержание

Сезон 2. Толстиков. Часть 1. Дом с открытыми глазами. Том 1. Мужчина из сна.	5
Глава 1. Синяя машинка	20
Глава 2. Мужчина, которого она уже видела	44
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Надежда Порошина

ЦЕНА СВОБОДЫ. СЕЗОН

**2. Толстиков. Часть 1. Дом
с открытыми глазами.**

Том 1. Мужчина из сна

Сезон 2. Толстиков. Часть 1.

Дом с открытыми глазами.

Том 1. Мужчина из сна.

Пролог. Если ты войдёшь

Во сне дом ждал её.

Он стоял в конце узкой улицы, где не было ни других домов, ни фонарей, ни деревьев. Только ровная дорога, уходившая назад в густую темноту, и тёплый свет в четырёх окнах.

Лина не помнила, как оказалась здесь.

Рядом с ней стоял Павел. Он был в расстёгнутой куртке и домашних тапочках, словно вышел из комнаты на минуту и случайно оказался посреди холодной ночи. В правой руке он держал синюю машинку.

— Мам, мы сюда переезжаем? — спросил он.

— Нет.

Она ответила слишком быстро.

Павел поднял голову:

— А почему тогда наши вещи уже там?

За окнами двигались тени. В одной комнате Лина увидела свой торшер. В другой — письменный стол Павла. На подоконнике стоял горшок с цветком, который сейчас находился у них дома на кухне.

За третьим окном мелькнул человек.

Высокий мужчина прошёл по комнате, остановился и посмотрел на улицу. Свет падал ему на плечи, но лицо оставалось в темноте.

Лина знала, что никогда его не видела.

И всё же сердце отозвалось странным узнаванием.

Будто она долго искала именно его.

Будто уже однажды потеряла.

Дверь дома открылась без звука.

Мужчина вышел на крыльцо. На нём была светлая рубашка с закатанными рукавами. Он спустился на одну ступеньку и остановился, не приближаясь.

— Ты опоздала, — сказал он.

Голос был спокойным. Почти родным.

— Куда?

— Дом уже выбрал тебя.

Лина хотела рассмеяться, но не смогла. В этом месте слова

не казались нелепыми. Здесь вообще всё происходило так, будто было решено задолго до её появления.

Мужчина протянул руку.

На его ладони лежал ключ с зелёным брелоком в форме маленькой двери.

— Возьми.

— Зачем?

— Чтобы войти.

— А если я не хочу?

— Тогда не бери.

Он говорил мягко. Не уговаривал. Не делал ни шага вперёд.

От этого хотелось поверить ему ещё сильнее.

Павел потянул Лину за рукав.

— Мам, там моя комната.

В окне на втором этаже зажёгся свет. Стены комнаты были светло-зелёными. На кровати лежало покрывало с машинками, у окна стоял письменный стол, а на полке оставалось свободное место — точно по размеру синей игрушки в руках Павла.

Мальчик улыбнулся.

— Он знал, что я приду.

Лина посмотрела на мужчину.

— Откуда вы знаете моего сына?

— Я его не знаю.

— Тогда почему там его комната?

— Потому что ты не вошла бы без него.

Ответ должен был насторожить её.

Но во сне он прозвучал почти правильно.

Она столько раз боялась, что однажды встретит человека, которому понадобится только она — без её прошлого, без тревог, без ребёнка, без усталости, накопленной за годы. Человека, рядом с которым Павел снова окажется лишним условием чужого счастья.

А этот мужчина построил для него комнату ещё до того, как назвал имя Лины.

— Мы можем просто посмотреть? — спросил Павел.

Мужчина опустил перед ним на корточки.

— Решать будет мама.

— А ты добрый?

— Я стараюсь.

— Добрые не стараются. Они просто добрые.

Мужчина улыбнулся.

— Значит, мне ещё есть чему у тебя научиться.

Павел посмотрел на Лину с надеждой.

Она снова перевела взгляд на ключ. Зелёная дверца на брелоке была приоткрыта, и за ней виднелась крошечная полоска света.

— Что будет, если я войду? — спросила Лина.

Мужчина не ответил.

Ветер поднялся внезапно. Тёплый свет в окнах дрогнул. Мир вокруг дома словно разделился надвое, и Лина увидела

обе жизни одновременно.

В первой был летний день.

Павел бежал по двору, а мужчина догонял его, нарочно делая вид, что не может поймать. Синяя машинка катилась по дорожке. Из открытого окна доносился смех.

Лина стояла на крыльце босиком и держала на руках маленькую девочку.

Дочь.

Её дочь.

Девочка тянулась к мужчине, и он подхватывал её, подбрасывал вверх, ловил и прижимал к себе. Павел кричал, чтобы теперь поймали его. Они были похожи на семью, которую Лина когда-то запрещала себе даже представлять.

За их спинами сиял дом.

Не большой и не роскошный.

Просто живой.

В нём пахло выпечкой, детским шампунем и свежим деревом. На кухонном столе стояли четыре чашки. В прихожей теснилась обувь. На стене висела большая семейная фотография, и все на ней улыбались.

Мужчина подошёл к Лине и обнял её.

— Теперь тебе не нужно всё делать одной, — сказал он.

Она закрыла глаза.

Эти слова проникли туда, где годами жила усталость.

Казалось, ещё немного — и Лина заплачет от облегчения.

Но ветер снова изменился.

Вторая жизнь проступила сквозь первую, как тёмное изображение под слоем светлой краски.

Тот же дом стоял ночью.

Все двери были закрыты.

Лина находилась в коридоре и не могла понять, откуда пришла. Она открывала одну дверь за другой, но каждый раз возвращалась в то же место.

На стенах горели красные точки.

Сначала одна.

Потом три.

Потом десятки.

Они смотрели на неё с потолка, из углов, из-за стекла семейной фотографии. Когда Лина двигалась, точки поворачивались следом.

— Павел! — позвала она.

Никто не ответил.

Она увидела на полу синюю машинку. Одна дверца была отломана и лежала рядом.

Из-за дальней двери донёсся детский шёпот:

— Мам, не говори ему.

Лина бросилась туда, но дверь не открывалась.

— Павел!

Она ударила ладонью по дереву.

Один раз.

Второй.

Третий.

После третьего удара свет в доме погас.

В темноте что-то щёлкнуло.

Лина почувствовала запах дыма.

Он проникал из-под двери тонкой серой полосой и быстро заполнял коридор. Она дёрнула ручку сильнее, но та осталась неподвижной.

С другой стороны кто-то тоже пытался открыть.

Тяжело.

Отчаянно.

Скребя чем-то по полу.

Лина прижалась к двери:

— Кто там?

Стук прекратился.

Потом женский голос произнёс:

— Я почти дошла.

Лина отшатнулась.

На полу за дверью появилась тень человека. Рядом с ней лежала длинная тонкая тень, похожая на костыль.

— Откройте! — закричала Лина.

Она обернулась, ища мужчину, но вместо него в конце коридора стоял Павел.

Он всё ещё был в домашних тапочках. В одной руке держал сломанную машинку, в другой — зелёный ключ.

— Мам, ты сказала, что мы только посмотрим.

— Иди ко мне.

— Она не выпускает.

— Кто?

Павел поднял голову.

Красная точка над ним медленно повернулась к Лине.

Где-то совсем близко зазвонил телефон.

Она услышала мужской голос:

— Где вы?

Лина не видела говорившего.

— Кто это?

— Почему ты не отвечаешь?

— Где мой сын?

— Я спросил, где вы.

Дым поднимался всё выше. Павел закашлялся.

Лина побежала к нему, но коридор начал растягиваться.

Чем быстрее она двигалась, тем дальше оказывался ребёнок.

— Павел, стой!

— Я стою, мам.

— Не бойся.

— Я не боюсь.

Он сказал это так тихо, что ей стало страшнее.

— Просто ты опять меня не услышала.

Красные точки вспыхнули одновременно.

Лина закрыла глаза.

Когда она снова их открыла, перед ней был прежний дом

— светлый, тихий, с открытой дверью. Павел стоял рядом.

Машинка в его руках оставалась целой.

Мужчина всё ещё держал ключ на раскрытой ладони.

Ни дыма, ни запертых комнат, ни камер не было.

Только два возможных будущих, наложившихся друг на друга.

— Это случится? — спросила Лина.

— Что именно?

— То, что я видела.

— Ты видела то, что будет, если ничего не менять.

— Но я ещё даже не вошла.

— Иногда первый выбор делают до того, как узнают его цену.

Лина посмотрела на дом.

Тёплый свет манил её. Где-то внутри звякнула посуда, будто там уже готовили ужин. На втором этаже ждала комната Павла. В одной из будущих жизней у неё была дочь. В другой — закрытая дверь и запах дыма.

— Как понять, какое будущее настоящее?

— Оба.

— Так не бывает.

— Пока ты не выбрала — бывает.

Мужчина поднял ладонь чуть выше.

Ключ качнулся. Зелёная дверца на брелоке раскрылась шире.

— Я могу изменить то, что видела?

— Иначе зачем тебе это показывают?

— Что я должна сделать?

— Смотреть.

— Я смотрю.

— Нет. Ты пока видишь только то, что хочешь увидеть.

Слова прозвучали без упрёка.

Лина хотела рассмотреть лицо мужчины, но свет за его спиной становился всё ярче, стирая черты.

Она видела только глаза.

Усталые.

Внимательные.

И почему-то несчастные.

Не глаза человека, который собирался причинить ей зло.

Глаза того, кого однажды не спасли.

Именно это заставило её протянуть руку.

Не дом.

Не обещание семьи.

Не комната для Павла.

Жалость.

Ей показалось, что, если она возьмёт ключ, мужчина перестанет стоять на крыльце один.

И, может быть, второе будущее никогда не наступит.

Ведь теперь она предупреждена.

Теперь она сможет вовремя заметить опасность.

Сможет изменить ход событий.

Лина коснулась холодного металла.

Дом вздрогнул.

Не стены и не окна — весь дом целиком, словно огромное животное, почувствовавшее прикосновение.

Дверь распахнулась.

Изнутри пахнуло теплом.

Павел шагнул вперёд, но Лина удержала его.

— Подожди.

Мужчина впервые нахмурился:

— Что случилось?

Она посмотрела на ключ в своей ладони.

— Вы сказали, что я всегда смогу выйти?

— Конечно.

— Даже если мы останемся?

— Это будет и твой дом.

— Значит, у меня будет право открыть дверь?

— У тебя будет свой ключ.

Ответ был правильным.

И всё же Лина почувствовала: он не ответил на вопрос.

— А если однажды ключ не подойдёт?

Мужчина улыбнулся.

— Тогда позовёшь меня.

— А если именно от вас мне придётся закрыть дверь?

Его улыбка исчезла.

Всего на секунду.

Так быстро, что Лина могла решить, будто ей показалось.

За окнами погас свет.

Павел прижался к её боку.

— Мам, пойдём домой.

— Мы и так дома, — сказал мужчина.

Он произнёс это по-прежнему спокойно. Но теперь стоял не на крыльце, а прямо перед Линой.

Она не заметила, когда он приблизился.

— Нет, — ответила она. — Пока нет.

Мужчина посмотрел на ключ, зажатый в её руке.

— Тогда зачем ты его взяла?

Лина хотела разжать пальцы, но не смогла.

Зелёная дверца брелока захлопнулась.

Раздался тихий щелчок.

Красная точка загорелась над входом.

Потом ещё одна — в окне.

Ещё одна — под крышей.

Дом открыл глаза.

Лина проснулась от собственного крика.

Несколько секунд она не понимала, где находится.

Комната была тёмной и тесной. За окном шумели редкие машины. В коридоре горел ночник, оставленный для Павла. Из соседней комнаты доносилось его ровное дыхание.

Лина села на кровати и посмотрела на ладонь.

Пальцы были сжаты так сильно, что ногти оставили на коже четыре глубоких полумесяца.

Ключа не было.

Она встала и пошла к сыну.

Павел спал поперёк кровати, сбросив одеяло. Синяя машинка лежала рядом с подушкой. Одна дверца была приоткрыта.

Лина накрыла ребёнка и осторожно коснулась игрушки.
Целая.

Обычная.

Она вернулась на кухню, включила свет и открыла тетрадь, в которую записывала сны, отличавшиеся от обычных.

Такие сны приходили редко.

Они не показывали неизбежное. Они предупреждали: что произойдёт, если человек продолжит идти тем же путём. Иногда Лина успевала вмешаться. Сказать нужные слова. Остановить. Убедить. Изменить один маленький выбор, после которого будущее уходило в сторону.

Но прежде она видела опасность, которая уже приближалась.

А сегодня сон показал человека, которого она ещё не встретила.

Лина записала:

«Дом с четырьмя окнами. Мужчина без лица. Зелёный ключ. Комната для Павла. Девочка. Пожар. Закрытая дверь. Три удара. Красные точки».

Подумав, добавила:

«Он скажет: “Ты опоздала”».

Она перечитала написанное и закрыла тетрадь.

За окном начинало светать.

Лина ещё не знала, что через несколько часов войдёт в детский центр, где Павел снова откажется завязывать шнурки.

Не знала, что рядом с ним опустится на одно колено незнакомый мужчина.

Что он покажет мальчику, как сделать петлю, рассмешит его и поднимет с пола синюю машинку.

Не знала, что, увидев его глаза, вспомнит одинокую фигуру на крыльце.

И что первыми словами мужчины будут:

— Кажется, вы опоздали.

Она знала только одно.

Если сон предупреждает о будущем, будущее ещё можно изменить.

Лина не понимала пока, что иногда для этого недостаточно увидеть открытую дверь.

Нужно однажды решиться выйти через неё.

Глава 1. Синяя машинка

Утром Павел отказался завязывать шнурки.

Он сидел на маленькой скамейке в раздевалке детского центра, насупившись, и смотрел на кроссовки так, словно они были виноваты во всех его несчастьях.

— Я не пойду.

— Мы уже пришли.

— Тогда я не зайду.

Лина присела перед ним.

— Почему?

— Потому что тут надо переобуваться.

— В прошлый раз тебя это не останавливало.

— В прошлый раз были липучки.

Он поднял одну ногу, демонстрируя длинные развязанные шнурки.

— Они специально это сделали.

— Кто?

— Те, кто придумал узлы.

Лина невольно улыбнулась.

Она почти не спала после странного сна. Утром несколько раз перечитала запись в тетради, проверила синюю машинку и даже осмотрела ладонь. Следы от ногтей ещё оставались на коже, хотя всё остальное при свете дня казалось бессмысленным набором образов.

Дом.

Неизвестный мужчина.

Зелёный ключ.

Красные точки.

Пожар.

Если бы Павел не торопил её, она, возможно, ещё долго сидела бы на кухне, пытаясь понять, было ли это предупреждением или просто усталый мозг соединил прошлое с её страхами.

Но сын проснулся, попросил кашу, не нашёл второй носок, вспомнил о занятии и заставил обычную жизнь снова двигаться.

Теперь они опаздывали.

Лина взяла шнурок.

— Давай я завяжу.

Павел спрятал ногу под скамейку.

— Сам.

— Хорошо. Тогда завязывай.

— Я не умею.

— Я покажу.

— Ты быстро показываешь.

— Буду медленно.

— Всё равно не получится.

Из зала за стеной доносилась музыка. Дети уже начали занятие. В коридоре никого не осталось, администратор за стойкой отвечала по телефону, время от времени поглядыва-

вая на них.

Лина посмотрела на часы и почувствовала знакомое раздражение.

Она договорилась с собой, что сегодня не будет торопить сына. Не станет делать за него то, чему он должен научиться сам. Не произнесёт привычное: «Мы опаздываем», «Давай быстрее», «Некогда спорить».

Договорённости с собой обычно прекрасно работали до первой реальной трудности.

— Павел, занятие уже началось.

— Я знаю.

— Тогда давай закончим.

— Я пытаюсь.

Он дёрнул шнурки, перепутал их и затянул узел. Потом попытался его развязать, но сделал только ту же.

— Вот! — воскликнул он. — Я говорил.

— Ничего страшного.

— Страшно. Теперь его только отрезать.

— Не придётся ничего отрезать.

Лина потянулась к узлу, но Павел снова убрал ногу.

— Сам!

Она выпрямилась и медленно сосчитала до пяти.

Раньше ей казалось, что хорошая мать всегда знает правильные слова. Потом она поняла: иногда хорошая мать — это женщина, которая успела досчитать до пяти и никого не убила из-за шнурка.

— Хорошо, — сказала она. — Я буду ждать.

— Долго?

— Столько, сколько понадобится.

— Мы же опоздаем.

— Уже опоздали.

— Ты будешь сердиться?

— Постараюсь не сердиться.

Павел недоверчиво посмотрел на неё, словно ожидал подвоха.

За входной дверью звякнул колокольчик.

В детский центр вошёл мужчина. Он стряхнул с плеч мелкие капли дождя, закрыл зонт и остановился возле стойки администратора. На нём была тёмная куртка, расстёгнутая поверх светлой рубашки. Высокий, крепкий, с коротко подстриженными волосами и спокойным лицом человека, который привык сначала осмотреться и только потом действовать.

Лина видела его в профиль.

Он спросил администратора о расписании. Та прикрыла трубку ладонью, ответила, указала на дверь зала и снова вернулась к разговору.

Мужчина сделал несколько шагов, заметил Лину с Павлом и остановился.

— Серьёзный противник? — спросил он.

Павел поднял голову.

— Кто?

Мужчина указал на кроссовок.

— Узел.

— Он нечестный.

— Это видно. Затянулся, пока никто не смотрел.

— Я сам его затянул.

— Значит, у него был сообщник.

Павел задумался.

Лина насторожилась. Она не любила, когда незнакомые люди без приглашения вмешивались в разговор с её сыном. Некоторые взрослые считали, что ребёнок принадлежит всему миру и любой может потрепать его по волосам, задать личный вопрос или потребовать улыбку.

Этот мужчина не приближался. Не наклонялся к Павлу и не пытался прикоснуться.

Просто стоял в нескольких шагах и ждал.

— Вы умеете развязывать? — спросил Павел.

— Иногда.

— А завязывать?

— Гораздо лучше.

— Покажете?

Мужчина посмотрел на Лину.

Не на ребёнка — на неё.

Это короткое движение ей понравилось. Он спрашивал разрешения, хотя ещё ничего не сказал.

Лина кивнула:

— Если у вас есть время.

— Есть.

Он снял куртку, повесил её на свободный крючок и опустился на одно колено перед Павлом. Не потянулся к его ногам, а спросил:

— Можно?

Павел выставил кроссовок.

Мужчина легко ослабил узел.

— Сначала нужно понять, где он держится. Если тянуть в разные стороны, он только затянется.

— Мама тоже так говорила.

— Значит, мама разбирается в узлах.

— Она разбирается почти во всём.

Лина отвернулась, делая вид, что поправляет ремень сумки. Горло неожиданно сжалось.

Иногда Павел произносил такие вещи совершенно буднично, не понимая, насколько они тяжёлые. Он действительно считал, что она разбирается во всём. Что знает, как оплатить счета, починить кран, вылечить кашель, найти пропавшую игрушку, ответить на любой вопрос и защитить от всего, что может случиться.

Лина старалась не думать о том дне, когда он обнаружит правду.

Мужчина расправил шнурки.

— Теперь смотри. Делаем две петли.

— Зачем две?

— Это заячьи уши.

— Они не похожи.

— У нас очень худые зайцы.

Павел усмехнулся.

— Один заяц обежал другого, — продолжил мужчина, медленно складывая петли, — и спрятался в норку.

— Это не заяц. Это верёвка.

— Тем более. Верёвки послушнее зайцев.

Он затянул бант, затем сразу развязал и передал шнурки Павлу.

— Теперь ты.

— Я не смогу.

— А ты не весь узел завязывай. Только первое движение.

Павел перекрестил шнурки.

— Так?

— Именно.

— А дальше?

— Теперь сделай одного зайца.

Через минуту на кроссовке получился кривой, слишком большой бант. Одна петля почти касалась пола, вторая торчала вверх.

Павел замер, не веря, что узел держится.

— Получилось?

— Получилось.

— Но некрасиво.

— Первый узел не обязан быть красивым. Его задача — не развязаться по дороге.

Павел осторожно поставил ногу на пол. Бант остался на месте.

— Я сам сделал.

— Конечно.

— Мам, смотри!

— Вижу.

Радость на лице сына была такой искренней, будто он не завязал шнурок, а собрал настоящий автомобиль.

— Второй тоже сам, — объявил Павел.

Мужчина пересел на скамейку, оставив ему достаточно места. Не поправлял и не вмешивался, только один раз напомнил:

— Не тяни сразу. Сначала посмотри, куда идёт шнурок. Со второй попытки Павел справился почти без помощи. Он вскочил.

— Теперь можно на занятие.

— Машинку возьми, — сказала Лина.

Синяя игрушка осталась на скамейке. Павел схватил её, затем посмотрел на мужчину:

— А вы тоже будете заниматься?

— Боюсь, меня не возьмут. Я слишком большой.

— Тут родители ждут.

— Значит, подожду.

— Кого?

Вопрос был задан с обычной детской прямоотой. Лина приготовилась одёрнуть сына, но мужчина ответил:

— Пока никого. Я пришёл узнать про занятия для племянника.

— Он маленький?

— Немного младше тебя.

— Тогда ему нужны липучки.

— Передам.

Павел побежал к двери зала, но на пороге остановился и обернулся:

— А как вас зовут?

— Алексей.

— А меня Павел.

— Очень приятно, Павел.

— Я знаю.

Мальчик исчез за дверью.

Несколько секунд Лина и Алексей смотрели ему вслед. Потом из зала донёсся голос преподавателя, музыка стала громче, и Павел присоединился к остальным детям.

— Спасибо, — сказала Лина. — Обычно он не принимает помощь от незнакомых.

— Это хорошо.

— Хорошо?

— Значит, умеет быть осторожным.

Она посмотрела на него внимательнее.

Обычно люди обижались, если ребёнок отказывался разговаривать или не позволял к себе прикоснуться. Считали это невоспитанностью. Алексей говорил об осторожности

как о достоинстве.

— Сегодня он почему-то сделал исключение.

— Возможно, понял, что я профессионально занимаюсь узлами.

— И где этому учат?

— В суровых условиях детских раздевалок.

Лина улыбнулась.

— Понятно. Секретная специальность.

— Не могу раскрывать подробности.

Он поднялся и взял куртку, но не надел её. Возможно, действительно собирался ждать администратора, а возможно, не хотел сразу уходить.

— Вы часто сюда приходите? — спросил он.

Вопрос прозвучал просто, однако Лина мгновенно почувствовала внутреннее сопротивление. Она уже знала, как безобидный разговор превращается в расспросы: где живёшь, с кем, почему одна, кто отец ребёнка. Людям нравилось собирать чужую жизнь из подробностей, а потом объяснять, что в ней сделано неправильно.

— Иногда, — ответила она.

Алексей заметил закрытость и не стал продолжать.

— Хороший центр.

— Павлу нравится.

— Это главное.

Он посмотрел сквозь стеклянную вставку двери. Дети повторяли движения преподавателя. Павел старался больше

остальных, но постоянно отставал на полшага.

— Упрямый, — сказал Алексей.

Лина напряглась:

— Почему вы так решили?

— Он мог позволить вам завязать шнурки и давно уйти на занятие. Но хотел научиться сам.

— Иногда это очень неудобное качество.

— Зато полезное.

— До тех пор, пока не начинаешь спорить с ним из-за какой мелочи.

— Может быть, для него это не мелочи.

Ответ был спокойным, без желания поучать её. И всё же Лина услышала в нём то, о чём сама старалась помнить: ребёнок не обязан считать неважным то, что взрослому кажется пустяком.

— У вас есть дети? — спросила она.

На лице Алексея что-то изменилось. Не боль и не раздражение — короткая тень, которую он почти сразу скрыл.

— Нет.

— Простите.

— За что?

— Мне показалось, вопрос был неуместным.

— Обычный вопрос.

Он застегнул манжету рубашки, хотя до этого рукава были закатаны.

— Просто не на все обычные вопросы бывают простые

ответы.

Администратор закончила разговор и позвала его. Алексей подошёл к стойке, уточнил возрастные группы, расписание и стоимость. Лина невольно слушала.

Он не назвал имени племянника. Не спросил, можно ли привести ребёнка сегодня или завтра. Взял буклет, поблагодарил и направился к выходу.

Возле скамейки остановился.

— До свидания.

— До свидания.

Он посмотрел на дверь зала:

— Передайте Павлу, что второй узел получился лучше первого.

— Передам.

Алексей надел куртку, раскрыл зонт и вышел.

Колокольчик над дверью звякнул.

Лина ещё несколько секунд смотрела сквозь стекло. Мужчина дошёл до тротуара, остановился, будто вспоминая, в какую сторону ему нужно, и повернул направо.

Она не сразу поняла, что её беспокоит.

Всё произошло слишком обыкновенно.

Незнакомец помог ребёнку завязать шнурки, пошутил, поговорил с ней и ушёл. Никакого зелёного ключа. Никакого дома. Никаких красных огней.

Но его голос она уже слышала.

Не слова — именно голос.

Спокойный, чуть приглушённый. Такой же, как во сне.
Лина села на скамейку.

«Ты опоздала».

Она открыла сумку и достала телефон. Хотела посмотреть время, но вместо этого увидела собственное отражение в тёмном экране. Лицо казалось бледным после бессонной ночи.

Телефон показывал без четверти десять.

Они действительно опоздали.

Совпадение.

Лина повторила это про себя несколько раз.

Люди каждый день куда-нибудь опаздывают. Мужчины помогают детям. У сотен людей похожие голоса. Если ждать подтверждения сна, подтверждением покажется любая мелочь.

Она убрала телефон.

Занятие длилось ещё сорок минут. Лина попыталась читать новости, потом открыла рабочую почту, но несколько раз ловила себя на том, что смотрит на входную дверь.

Алексей не вернулся.

Она испытала одновременно облегчение и непонятное разочарование.

После занятия дети высыпали в коридор. Павел появился одним из последних — раскрасневшийся, с растрёпанными волосами и синей машинкой в руке.

Оба шнура были развязаны.

— Узлы не выдержали? — спросила Лина.

— Я сам развязал.

— Зачем?

— Чтобы ещё раз завязать.

Он сел на скамейку и принялся складывать петли. Первая попытка закончилась новым узлом, но теперь Павел не рассердился.

— Не надо сразу тянуть, — пробормотал он. — Сначала посмотреть, куда идёт шнурок.

Лина опустилась рядом.

— Тебе понравился Алексей?

— Да.

— Почему?

Павел пожал плечами:

— Он не забрал у меня ногу.

— Что?

— Ты хотела сама всё сделать. А он показал.

Лина почувствовала укол вины.

— Я тоже хотела показать.

— Но ты торопилась.

— Мы опаздывали.

— Уже опоздали, — напомнил Павел её же слова.

Она вздохнула:

— Справедливо.

Он снова перекрестил шнурки.

— Алексей придёт ещё?

— Не знаю.

— А его мальчик?

— Какой мальчик?

— Племянник.

— Возможно.

Павел наконец затянул бант.

— Думаю, у него нет племянника.

— Почему?

— Он бы сказал, как его зовут.

Лина посмотрела на сына. Дети замечали не меньше взрослых. Просто делали из замеченного другие выводы.

— Может быть, он не захотел рассказывать незнакомым людям.

— Мы не незнакомые. Он знает, как нас зовут.

— А мы знаем только его имя.

— Значит, наполовину знакомые.

Павел завязал второй кроссовок, встал и потопал ногами, проверяя узлы.

— Держатся.

— Отлично.

— Теперь мороженое.

— Какая связь?

— Если человек научился новому, его надо поздравить.

— Кто это придумал?

— Я.

— Очень удобное правило.

— Да.

Они вышли из центра. Дождь почти закончился. В лужах отражалось светлое небо, машины медленно двигались по мокрой улице.

Лина раскрыла зонт.

— Мороженое в такую погоду не едят.

— Тогда пирожное.

— Ты быстро приспосабливаешься.

— Это полезное качество?

— Иногда очень неудобное.

Павел рассмеялся и взял её за руку.

В кафе через дорогу они выбрали пирожное на двоих. Павел съел почти всё, оставив матери кусочек крема и половину ягоды.

Он без остановки рассказывал о занятии, о мальчике, который упал на мат, и о девочке, которая сказала, что умеет садиться на шпагат, но не показала. Потом снова вернулся к Алексею.

— У него глаза грустные.

Лина подняла голову.

— Почему ты так решил?

— Не знаю.

— Он улыбался.

— Ртом.

Павел слизнул крем с ложки.

— А глазами нет.

Лина вспомнила мужчину на крыльце. Лицо во сне скрывалось в темноте, но глаза она видела отчётливо.

Усталые.

Внимательные.

Одинокие.

— Иногда люди просто устают, — сказала она.

— Ты тоже улыбаешься ртом, когда устала.

— Правда?

— Да. Я всегда понимаю.

— Тогда зачем спрашиваешь, всё ли хорошо?

— Вдруг ты скажешь правду.

Он произнёс это без обиды и потянулся к оставшейся ягоде.

Лина отдала ему тарелку.

На улице она достала телефон, чтобы проверить маршрут автобуса. В этот момент мимо прошёл мужчина со сложенным зонтом.

На секунду ей показалось, что это Алексей.

Она обернулась.

Человек был ниже ростом и старше. Он свернул за угол, не заметив её.

— Ты кого ищешь? — спросил Павел.

— Никого.

— Алексея?

— Почему ты так решил?

— Ты в ту сторону смотрела, куда он ушёл.

Лина убрала телефон.

— Пойдём домой.

Вечером Павел несколько раз тренировался завязывать шнурки. Он посадил синюю машинку на край кровати и объяснял ей последовательность действий, как будто игрушка могла запомнить урок.

— Один заяц обежал другого, — говорил он. — Потом в норку. Нет, не туда. Ты опять всё перепутала.

Лина стояла в дверях и слушала.

— Мам, у машин не бывает шнурков.

— Это серьёзная проблема.

— Я ей сделаю.

Он нашёл старый шнурок и попытался привязать его к переднему колесу.

— Только не затягивай сильно.

— Сначала надо понять, где узел держится, — важно ответил Павел.

Лина пожелала ему спокойной ночи, выключила свет и вернулась на кухню.

Тетрадь со снами лежала там, где она её оставила. Обычно после записи Лина не перечитывала увиденное сразу. Давала образам отстояться, отделяла тревогу от предупреждения.

Сегодня ждать не хотелось.

Она открыла нужную страницу.

«Дом с четырьмя окнами. Мужчина без лица. Зелёный ключ. Комната для Павла. Девочка. Пожар. Закрытая дверь.

Три удара. Красные точки».

Ниже:

«Он скажет: “Ты опоздала”».

Лина провела пальцем по строчке.

Алексей не сказал именно этих слов.

Он произнёс: «Кажется, вы опоздали».

Почти то же самое — и всё-таки не совсем.

Можно было решить, что сон сбылся.

Можно было решить, что она подгоняет реальность под предсказание.

Лина взяла ручку, но долго не знала, что добавить.

Наконец написала:

«Сегодня встретила мужчину с таким голосом. Алексей.

Помог Павлу завязать шнурки. Возможно, совпадение».

Слово «возможно» показалось ей слишком слабым.

Она приписала:

«Не делать выводов».

Закрыла тетрадь и пошла умываться.

Перед сном заглянула к Павлу. Он лежал, отвернувшись к стене. Синяя машинка стояла на подушке рядом с его лицом, а старый шнурок был завязан вокруг игрушки большим неровным бантом.

Лина осторожно сняла шнурок, чтобы он не мешал ребёнку, и положила машинку на тумбочку.

Вернувшись в свою комнату, она выключила свет.

Сон не приходил.

За стеной шумела вода, сверху передвигали мебель, на улице хлопнула дверь автомобиля. Обычные звуки многоквартирного дома. Здесь невозможно было услышать тишину, зато невозможно было почувствовать себя совсем одной.

Лина закрыла глаза.

Перед ней снова возникло освещённое крыльцо.

Мужчина протягивал зелёный ключ.

Она открыла глаза и больше не пыталась уснуть.

Утром Павел первым делом спросил:

— Мы сегодня пойдём туда?

— Куда?

— В центр.

— Следующее занятие через два дня.

— А Алексей придёт?

— Не знаю.

— Ты можешь ему позвонить.

— У меня нет его номера.

Павел задумался, затем пожал плечами:

— Значит, он сам нас найдёт.

От уверенности, с которой это было сказано, Лине стало не по себе.

— С чего ты взял?

— Он же пришёл не из-за племянника.

— А из-за чего?

Павел взял синюю машинку и покатил её по столу.

— Из-за нас.

— Не выдумывай.

— Я не выдумываю.

— Ты видел его первый раз.

— Ты тоже.

Машинка доехала до края стола. Лина успела поймать её прежде, чем она упала.

Павел забрал игрушку и убежал одеваться.

Через два дня они снова пришли в детский центр.

На этот раз заранее.

Павел самостоятельно переобулся и завязал оба кроссовка. Первый узел получился крепким, второй пришлось переделать, но он справился без помощи.

Потом сел на скамейку.

— Ты чего ждёшь? — спросила Лина.

— Ничего.

Дверь открылась.

Колокольчик тихо звякнул.

Лина обернулась раньше сына.

На пороге стоял Алексей.

В руках у него не было ни зонта, ни буклета для племянника. Он посмотрел сначала на Павла, затем на неё и улыбнулся.

На этот раз не только ртом.

— Здравствуйте, — сказал он. — Я надеялся, что вы придёте.

Павел вскочил и показал ему кроссовки:

— Я сам!

Алексей наклонился, осмотрел два неровных банта и серьёзно кивнул:

— Вижу. Профессиональная работа.

Потом выпрямился и снова посмотрел на Лину.

— Если вы не против, после занятия я приглашу вас обоих выпить какао.

Не кофе.

Не её одну.

Именно их обоих.

Лина вспомнила комнату со светло-зелёными стенами.

Свободное место на полке.

Синюю машинку в руках Павла.

«Пока ты не выбрала — настоящими остаются оба будущих».

Она могла отказаться.

Могла взять сына за руку, пройти мимо Алексея и больше никогда не возвращаться в этот центр.

Предупреждения даются для того, чтобы человек изменил путь.

Но Лина ещё не знала, от чего именно её предупреждали.

От мужчины?

От дома?

Или от привычки видеть опасность даже там, где жизнь наконец предлагала что-то хорошее?

Павел смотрел на неё снизу вверх.

Алексей не торопил.

Просто ждал.

— Хорошо, — ответила Лина. — Какао можно.

В тот момент ничего страшного не произошло.

Ни одна дверь не закрылась.

Ни одна камера не повернулась в её сторону.

Мужчина всего лишь улыбнулся.

А мальчик рядом с ней обрадовался тому, что в этот раз они никуда не опоздали.

Глава 2. Мужчина, которого она уже видела

Алексей ждал их возле выхода.

За время занятия он успел несколько раз пройти по коридору, поговорить с администратором и изучить все объявления на стенах. Когда дверь зала открылась и дети высыпали наружу, он стоял у окна, держа в руках бумажный стаканчик с кофе.

Павел заметил его первым.

— Мы идём за какао?

— Если мама не передумала.

Алексей посмотрел на Лину, словно ответ Павла ничего не решал.

Она это отметила.

За час у неё было достаточно времени, чтобы отказаться. Можно было сослаться на дела, усталость или обещание вернуться домой. Ни одно объяснение не прозвучало бы подозрительно.

Но она осталась.

— Не передумала, — сказала Лина. — Только ненадолго.

— Конечно.

— У мамы «ненадолго» бывает долго, — предупредил Павел.

— Сегодня будет недолго.

— Тогда надо идти быстро.

Он начал расшнуровывать кроссовки.

— Зачем ты их развязываешь? — спросила Лина.

Павел посмотрел на неё с удивлением:

— Чтобы снять.

— Я думала, ты покажешь Алексею, как умеешь завязывать.

— Он уже видел.

— Я видел результат, — возразил Алексей. — Но не видел процесс.

Павел снова затянул шнурки, специально медленно, демонстрируя каждое движение.

— Сначала один заяц.

— Худой? — уточнил Алексей.

— Уже толстый. Я потренировался.

— Хороший прогресс.

Когда оба банта были готовы, Павел тут же развязал их и переобулся. Лина наблюдала за лицом Алексея. Он не делал вид, что ему интересно. Ему действительно было интересно.

Это казалось непривычным.

Большинство взрослых относились к детским достижениям как к обязательной паузе перед разговором о чём-то важном. Быстро хвалили, не дослушав, а потом возвращались к себе. Алексей смотрел на Павла так, будто два самостоятельно завязанных шнурка заслуживали всего его внимания.

На улице моросил мелкий дождь.

— Кафе через дорогу, — сказала Лина.

— Там пирожные маленькие, — сообщил Павел.

— Ты два дня назад съел почти всё.

— Вот поэтому и знаю.

Алексей раскрыл зонт.

— Поместимся втроём?

— Я без зонта пойду, — решил Павел. — Дождь почти закончился.

Он сделал два шага и тут же вернулся под навес.

— Не закончился.

Алексей протянул зонт Лине.

— Возьмите. Я добегу.

— Мы поместимся.

Он не стал спорить.

Они пошли втроём. Павел оказался посередине и сразу взял Лину за руку. Через несколько шагов свободной рукой ухватился за рукав Алексея.

Лина заметила это, но ничего не сказала.

В кафе было почти пусто. Они выбрали столик возле окна. Павел забрался на диван и положил синюю машинку рядом с собой.

— Одно какао, — сказала Лина. — Без большого количества сиропа.

— С шоколадом, — добавил Павел.

— Какао и так шоколадное.

— Тогда с дополнительным шоколадом.

Алексей снял куртку.

— Договоримся на среднем количестве шоколада?

— А сколько это?

— Столько, чтобы было вкусно, но мама не рассердилась.

— Мама не из-за шоколада сердится.

— А из-за чего?

Павел начал загибать пальцы:

— Когда я не убираю вещи. Когда долго одеваюсь. Когда не ем суп. Когда ем одни макароны. Когда говорю, что почистил зубы, а сам не чистил.

— Впечатляющий список.

— Я не сержусь из-за макарон, — возразила Лина.

— Сержишься.

— Я говорю, что нельзя каждый день есть одно и то же.

— Ты говоришь это сердитым голосом.

Алексей отвернулся к стойке, скрывая улыбку.

— Я всё слышу, — предупредила Лина.

— Я ничего не сказал.

— Но подумал.

— Это пока не запрещено?

— Пока нет.

Слово вырвалось случайно.

Лина тут же пожалела о нём. В разговоре возникла едва заметная пауза, но Алексей не стал спрашивать, кто и что запрещал ей раньше.

— Тогда воспользуюсь разрешением, — сказал он. — Подумаю, что макароны каждый день — действительно плохая идея.

— Предатель, — заявил Павел.

— Мы знакомы всего два дня. Рано требовать от меня безусловной верности.

— А когда можно?

— Когда сам научишься варить макароны.

Павел задумался.

— Я могу научиться.

— Не сомневаюсь.

Алексей подошёл к стойке. Павел проводил его взглядом и прошептал:

— Он хороший.

— Ты его почти не знаешь.

— Уже два раза видел.

— Этого мало.

— А сколько надо?

Лина не нашла ответа.

Иногда годы не помогали узнать человека. Иногда одного поступка хватало, чтобы увидеть в нём то, что он долго прятал. Но объяснять это ребёнку не хотелось.

— Людей узнают постепенно.

— Как узлы?

— Что?

— Сначала надо посмотреть, где держится.

Лина невольно обернулась к Алексею.

Он стоял у стойки, расплачиваясь за заказ. Крепкие плечи, спокойные движения, чуть склонённая голова. Обычный мужчина. Не тень из сна и не предзнаменование.

— Примерно так, — ответила она.

Алексей вернулся с подносом. Поставил перед Павлом какао, перед Линой чай, себе взял ещё один кофе. Посередине оказался кусок шоколадного торта с тремя вилками.

— Я не заказывала чай, — сказала Лина.

— Вы ничего не заказывали.

— Потому что собиралась взять сама.

— Если не хотите, я выпью.

Он не произнёс привычного: «Я же как лучше». Не попытался превратить мелочь в повод для обиды.

Лина взяла чашку.

— Спасибо.

Павел разделил торт на три части. Себе оставил самую большую, Алексею дал среднюю, матери — маленькую.

— Очень справедливо, — заметила Лина.

— Я ребёнок. Мне надо расти.

— А мне?

— Ты уже выросла.

Алексей получил дополнительный кусочек от своей порции и незаметно передвинул его на её тарелку.

Лина хотела отказаться, но Павел уже начал расспрашивать:

— А где твой племянник?

— Дома.

— Почему его не привёл?

— Потому что он живёт в другом городе. Моя сестра попросила узнать про занятия. Они думают переехать сюда.

Павел бросил на мать торжествующий взгляд, будто доказал важную теорию.

— Значит, он всё-таки есть, — сказала Лина.

— Были сомнения?

— Не у меня.

— У меня, — признался Павел. — Я думал, ты придумал его, чтобы прийти.

Алексей не смутился.

— Племянника я не придумал. Но сегодня пришёл не из-за него.

— А из-за нас?

— Павел.

Лина произнесла имя сына негромко, но он понял предупреждение и уткнулся в чашку.

Алексей посмотрел на неё:

— Он прав. Я надеялся вас встретить.

— Почему?

— Вы мне понравились.

Прямота заставила её замолчать.

Обычно мужчины начинали с обходных фраз. Предлагали помощь, просили совет, придумывали случайную причи-

ну для нового разговора. Алексей не пытался скрыть намерение, но и не говорил так, будто одного его интереса достаточно.

— Мы? — уточнила Лина.

— Вы оба.

— Это разные вещи.

— Конечно.

— Павел может вам нравиться. Я могу не нравиться. Или наоборот.

— Пока нравитесь оба. Дальше посмотрим.

Лина подняла брови:

— Звучит так, будто мы проходим испытательный срок.

— Я тоже его прохожу.

— А если мы не собирались никого испытывать?

— Тогда просто допьём чай и разойдёмся.

Он сказал это без вызова.

Павел переводил взгляд с одного взрослого на другого.

— А куда вы можете не пройти? — спросил он.

— Никуда, — ответила Лина. — Мы просто разговариваем.

— Вы странно разговариваете.

— Это взрослый разговор.

— Взрослые всегда всё усложняют.

— Иногда, — согласился Алексей.

Павел взял машинку и покатыл её по столу. Она объехала чашку, прошла между тарелками и остановилась возле руки

Алексея.

— Куда она едет? — спросил тот.

— Домой.

— А где её дом?

Павел показал на Лину:

— Где мама.

Алексей не улыбнулся.

— Правильно.

Одно слово, произнесённое совершенно серьёзно, неожиданно тронуло Лину.

Она отвернулась к окну.

По стеклу стекали капли. На другой стороне улицы женщина тащила за руку ребёнка, стараясь успеть на зелёный сигнал. Автомобили разрезали лужи, прохожие прятались под зонтами.

Обычный день продолжался, не замечая, что за маленьким столиком решается что-то важное.

Лина ещё не понимала, что именно.

— Расскажите о себе, — предложил Алексей.

— Что именно?

— Что считаете нужным.

— Это слишком широкий вопрос.

— Хорошо. Кем вы хотели стать в детстве?

— Это поможет вам меня узнать?

— Иногда детские мечты говорят о человеке больше, чем его нынешняя работа.

— А вы кем хотели стать?

— Я первым спросил.

— Значит, первым и отвечайте.

Он усмехнулся:

— Водителем пожарной машины.

Чашка замерла в руке Лины.

— Почему именно пожарной?

— Она была красная и громкая. В пять лет этого достаточно для выбора профессии.

— А потом?

— Потом хотел строить дома.

Слово снова отозвалось в ней.

— Построили?

— Нет. Но ремонтировать научился.

— И кем стали?

Алексей назвал профессию, связанную с техникой. Рассказывал без подробностей, не пытался произвести впечатление должностью или доходом. Работа ему нравилась прежде всего тем, что у любой неисправности существовала причина.

— Если найти причину, всё можно исправить, — сказал он.

— Не всё.

— Почти всё.

— Люди не механизмы.

— У людей тоже ничего не ломается без причины.

— Только не каждую поломку можно отремонтировать.

— А вы часто бросаете сломанное?

Вопрос прозвучал неожиданно личным.

Лина медленно поставила чашку.

— Смотря что.

— Например?

— Если вещь опасно чинить, её лучше выбросить.

— А если она дорогая?

— Цена не делает её безопасной.

Алексей некоторое время смотрел на неё. Потом кивнул:

— Справедливо.

Павел подвинул к нему машинку:

— Она сломана.

Лина заметила, что одно переднее колесо действительно держится неровно.

— Ты вчера ничего не говорил.

— Она ехала.

— Криво, — заметил Алексей.

Он поднял машинку, повертел в руках и нажал на колесо.

— Ось выскочила.

— Можешь починить? — спросил Павел.

— Сейчас вряд ли. Нужны инструменты.

— У тебя есть?

— Дома.

— Тогда возмёшь её?

Лина вмешалась:

— Мы сами починим.

— Ты говорила, что клей не поможет, — напомнил Павел.

— Придумаем.

Алексей вернул машинку ребёнку.

— Могу принести маленькую отвёртку в следующий раз.

— В какой следующий раз? — спросила Лина.

— Если он будет.

— Будет, — уверенно сказал Павел.

— Павел.

— Что? Ты сама сказала, что занятие через два дня.

Алексей улыбнулся:

— Я могу прийти через два дня. Но только если мама не против.

Все решения снова возвращались к ней.

Лина понимала, что это может быть просто хорошим приёмом. Человек показывает уважение, пока добивается расположения, а потом правила меняются. Она уже знала, насколько убедительно люди выглядят в начале.

И всё же Алексей не пытался отнять у неё право выбирать.

Пока.

— Приходите, — сказала она. — Если хотите.

— Хочу.

Павел удовлетворённо кивнул и продолжил возить машинку по столу.

— Теперь вы, — напомнил Алексей.

— Что?

— Кем хотели стать в детстве?

Лина задумалась.

— Человеком, который знает ответы.

— Такой профессии нет.

— Я потом поняла.

— И что выбрали вместо неё?

— Научилась находить ответы сама.

— Получается?

— Приходится.

Он посмотрел на Павла.

— Вы одна его воспитываете?

Вот он.

Вопрос, которого Лина ждала с самого начала.

Она почувствовала, как внутри закрывается невидимая дверь.

— Да.

Алексей не спросил, где отец. Не произнёс сочувственного «тяжело». Не стал говорить, что ребёнку обязательно нужен мужчина.

— Тогда понятно, почему вы хотели знать все ответы.

— Почему?

— Потому что некому передать вопрос.

Эта фраза оказалась точнее, чем ей хотелось.

Лина привыкла не жаловаться. Любая жалоба давала другим право учить её жить. Она могла сказать, что устала, а в ответ услышать, что сама сделала неправильный выбор. Мог-

ла признаться, что ей страшно, и получить совет быть сильнее.

Поэтому она говорила: «Всё нормально».

Иногда — даже себе.

— Мы справляемся, — сказала Лина.

— Я вижу.

Без жалости.

Без восхищения её силой, которое обычно означало: продолжай справляться одна.

Просто констатация.

— Если вы хотите общаться со мной, — произнесла Лина, — Павел не будет временным неудобством, которое нужно терпеть.

Алексей ответил не сразу.

Павел перестал катать машинку, хотя делал вид, что занят.

— Я и не вижу в нём неудобства, — сказал Алексей. — Вы приходите вдвоём. Значит, знакомиться тоже нужно с вами обоими.

Лина почувствовала, как что-то в ней дрогнуло.

Эти слова были слишком правильными.

Не красивыми — именно правильными. Такими, какие она хотела когда-нибудь услышать, но не позволяла себе ждать.

— Только это не значит, что вы должны ему понравиться, — предупредила она.

— Уже понравился, — сообщил Павел.

— Сегодня понравился. Завтра можешь передумать.

— Не передумаю.

— Люди иногда передумывают.

Алексей не обиделся.

— Если передумает, скажет.

— Он не всегда говорит.

— Тогда придётся слушать внимательнее.

Павел отпил остывшее какао и поморщился:

— Там плёнка.

— Дай поменяю, — сказала Лина.

— Не надо. Я её уберу.

Он принялся вылавливать плёнку ложкой.

Алексей тихо спросил:

— Вы всегда так настороже?

— Как?

— Словно ждёте, что я сейчас скажу что-нибудь неправильное.

— Люди обычно говорят.

— И что будет, если скажу?

— Я пойму, что не ошиблась.

— А если не скажу?

— Значит, хорошо подготовились.

Он рассмеялся.

Не громко и не обиженно.

— У меня нет шансов.

— Почему? Есть. Просто я не сообщу, когда испытательный срок закончится.

— Тогда буду считать его бессрочным.

— Разумно.

— Мам, — вмешался Павел, — ты опять говоришь странно.

— Допивай какао.

— Я уже.

На дне чашки оставалась густая тёмная полоска.

Алексей посмотрел на часы.

— Мне пора. Могу вас проводить?

Лина почти автоматически хотела отказаться, но спросила:

— Вы на машине?

— Да.

— Тогда не нужно. Мы на автобусе.

— Могу подвезти.

— Мы не садимся в машину к людям, которых видели два раза.

— Правильно.

Он произнёс это так легко, что готовый отказ потерял остроту.

— Тогда просто до остановки, — предложил Алексей.

Они вышли из кафе.

Дождь закончился, но воздух оставался влажным. Павел шёл впереди, толкая машинку по низкому каменному ограж-

дению. Иногда игрушка съезжала, и он ловил её обеими руками.

— Осторожно, — повторяла Лина.

— Я держу.

Алексей шёл рядом, не пытаясь сократить расстояние между ними.

— У вас далеко дом? — спросила Лина.

— Не очень. За городом.

— Частный?

— Да.

— Вы живёте один?

— Сейчас — да.

«Сейчас» могло означать что угодно.

— А раньше?

— С семьёй.

— Жена?

— Нет.

— Тогда кто?

Алексей засунул руки в карманы.

— Мать жила рядом. Через стену. Дядя тоже.

— Жила?

— Давно уже нет.

Лина почувствовала, что коснулась чего-то болезненного.

— Простите.

— Вы второй раз передо мной извиняетесь за обычный вопрос.

— А вы второй раз отвечаете так, что он перестаёт быть обычным.

Он посмотрел на неё и слабо улыбнулся.

— Значит, мы постепенно знакомимся.

Они подошли к остановке. До автобуса оставалось семь минут.

Павел уселся на скамейку и принялся рассматривать колесо машинки. Лина встала рядом с информационным щитом. Алексей остановился напротив.

— Можно ваш номер? — спросил он.

Прямо, без придуманного повода.

Она ожидала этого вопроса и всё равно не была готова.

— Для отвёртки? — уточнила Лина.

— Отвёртку я принесу и без номера.

— Тогда зачем?

— Чтобы пригласить вас погулять. И чтобы вы могли отказать заранее, а не при встрече.

— Очень предусмотрительно.

— Стараюсь экономить людям неловкие минуты.

Она достала телефон.

— Диктуйте свой. Я решу, писать вам или нет.

Алексей назвал номер.

Лина записала его как «Алексей — детский центр».

— Позвоните, чтобы у меня сохранился ваш, — попросил он.

— Если напишу, сохранится.

Он понял границу и не стал настаивать.

Подъехал автобус.

Павел вскочил:

— А машинка?

— Через два дня, — сказал Алексей.

— Точно придёшь?

— Если ничего не случится.

— Что может случиться?

— Разное.

— Ты всё равно приходи.

— Постараюсь.

Павел забрался в автобус. Лина уже поднялась на ступеньку, когда Алексей окликнул:

— Лина.

Она обернулась.

До этого она не называла ему своего имени.

— Откуда вы знаете, как меня зовут?

— Павел сказал в прошлый раз: «Мама Лина, смотри».

Вы не слышали.

Объяснение было простым.

— До свидания, — произнёс Алексей.

— До свидания.

Двери закрылись.

Автобус тронулся, и Алексей остался на остановке. Павел встал коленями на сиденье и помахал ему через стекло.

— Сядь правильно.

— Он тоже машет.

Лина не обернулась.

— Мам, ты ему напишешь?

— Не знаю.

— Напишешь.

— Почему ты так решил?

— Он тебе понравился.

— С чего ты взял?

— Ты с ним спорила.

— И что?

— С теми, кто тебе не нравится, ты не споришь. Ты говоришь «до свидания» и уходишь.

Лина посмотрела на сына.

— Ты слишком много замечаешь.

— Это плохо?

— Иногда неудобно.

Павел снова повернулся к окну.

Вечером Лина несколько раз открывала список контактов.

«Алексей — детский центр».

Можно было удалить номер. Тогда всё закончилось бы, почти не начавшись. Мужчина остался бы случайным знакомым, который однажды научил Павла завязывать шнурки.

Сон постепенно забылся бы.

Дом не получил бы адреса.

Она закрыла телефон.

Через несколько минут снова открыла.

«Спасибо за какао. Павел сказал, что отвёртку ждёт больше, чем следующего занятия».

Лина перечитала сообщение и не отправила.

Убрала фразу про Павла.

Вернула.

Добавила точку.

Удалила точку.

— Это уже смешно, — сказала она вслух.

Из комнаты Павла донеслось:

— Что?

— Ничего.

Она нажала «Отправить».

Ответ пришёл почти сразу:

«Я тоже жду. И не только из-за машинки».

Лина почувствовала тепло, от которого стало одновременно приятно и тревожно.

Следующее сообщение появилось через минуту:

«Можно пригласить вас в субботу на прогулку? Вас обоих».

Она посмотрела на закрытую дверь комнаты Павла.

«Можно».

Потом добавила:

«Но ненадолго».

Алексей ответил:

«Конечно».

Лина усмехнулась. Теперь слово «ненадолго» означало

уже не время, а возможность отступить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.